

МЕТОД THINK ALOUD PROTOCOL (TAP) КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА ЛИТЕРАТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Г.О. Шокин

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье приведены результаты эксперимента по исследованию процесса перевода литературно-художественного текста с использованием метода «думай вслух» (Think Aloud Protocol (TAP)) на примере перевода отрывка из романа Дж. Г. Балларда «Крушение». Рассмотрен механизм выбора переводческой стратегии и принятия переводческих решений. Подтверждена гипотеза о ключевой роли авторефлексии в процессе перевода и о делении переводчиком текста на два уровня сложности «поверхностный» и «углубленный», соответствующих уровням понимания – семантизирующему в сочетании с когнитивным и распремечивающему соответственно.

Ключевые слова: Метод Think Aloud Protocol (TAP), авторефлексия, уровни сложности перевода текста, уровни понимания текста.

Смена научной парадигмы в отечественном переводоведении ознаменовала переход к когнитивно-деятельностным и субъект-ориентированным теориям литературно-художественного перевода, трактуемого как герменевтическая деятельность и антропологический феномен, в центре которого находится рефлексивная личность переводчика (Г.И. Богин, Н.Л. Галеева, В.А. Миловидов, К.И. Леонтьева, С. Басснет,).

Решение главной задачи любой антропоцентристской теории перевода представляет собой анализ рефлексивного (авторефлексивного) по своей сути механизма принятия переводческих решений и подразумевает анализ его мыслительной деятельности. Ключевая роль в исследовании мысле процессов переводчика обоснованно принадлежит весьма ограниченному набору методов экспериментальной психологии, адаптированных к задачам исследования, а также дедуктивному анализу переводческого процесса на основе некоторых положений когнитивной психологии (И.В. Абакумова и Н.А. Ейст, А.О. Бударина, А.И. Клишин, Л.В. Кушнина, Н.Г. Погорелая и Е.В. Зубкова).

Несмотря на трудности использования указанных методов и критику, которой они подвергаются из-за своей неочевидности и субъективности трактовок, применение именно этих методов позволяет избежать «слепых пятен» и несоответствий – недостатков, объективно присутствующих, по мнению А. Бермана, «многим исследованиям от “непереводчиков”» [7].

К методам экспериментальной психологии, адаптированным к использованию в переводоведении и описанным в литературе, относится интроспекция, ретроспекция, автометаописание, мета-перевод и метод «мысли вслух» (Think Aloud Protocol (ТАР)). Все эти методы предполагают рефлексивный (авторефлексивный) анализ мыслепроцессов переводчика непосредственно при выполнении им перевода и позволяют выявить различные механизмы принятия решений, описать и проанализировать последовательность действий и закономерности формирования общей стратегии перевода, а также установить мотивы, которыми переводчик руководствуется в процессе выбора оптимального с его точки зрения варианта перевода [1].

Интроспекция часто характеризуется как метод абсолютно субъективный, что является как его преимуществом – в контексте встраивания в субъект-ориентированные деятельностные модели перевода, – так и очевидным недостатком, поскольку результаты анализа, как это кажется многим, могут быть отнесены к одному-единственному переводчику и не обязательно должны и могут быть распространены на процесс литературно-художественного перевода как таковой.

Помочь разрешить эту дилемму и объективно рассмотреть рефлексивный (авторефлексивный) механизм выбора переводческой стратегии и принятия переводческих решений дает интроспективный анализ с использованием экспериментальной методики ТАР.

Базой для экспериментальных исследований с использованием ТАР-технологии явились протоколы перевода отрывка произведения Дж. Г. Балларда «Крушение» (оригинальный текст на английском языке объемом 1332 печатных знака [6], включая пробелы, с добавлениями (в квадратных скобках), представленными в рукописных черновиках автора, расшифрованных сотрудниками фонда Британской библиотеки. Переводы были выполнены тремя дипломированными специалистами-переводчиками:

- испытуемый № 1 – автор исследования, профессиональный переводчик, имеющий релевантные теме исследования научные публикации, а также значительный опыт практической работы в сфере литературно-художественного перевода;

- испытуемый № 2 – педагог высшей школы, высшее образование, ученая степень – кандидат филологических наук, ученое звание – доцент, профессиональный опыт перевода литературно-художественных произведений отсутствует;

- испытуемый № 3 – педагог высшей школы, высшее образование, опыт профессионального перевода литературно-художественных произведений отсутствует.

Эксперимент проводился оффлайн; запись видео велась с экрана персонального компьютера переводчика, равно как и аудиофиксация проговариваемых им вслух размышлений.

Выбранный для проведения эксперимента фрагмент текста романа Дж. Г. Балларда «Crash» отличается повествовательной простотой (довольно обманчивой), но содержит при этом несколько сложных для восприятия в отрыве от контекста книги «экстремальных метафор», не передав которые, переводчик не сможет адекватно репрезентовать авторские стиль и перспективу.

В отрывке текста, предлагаемом для перевода участникам эксперимента, автором исследования было выделено 6 проблемных выражений и словосочетаний: 1) «the retent scars mantled the cypher»; 2) «delicate lacework of blood», 3) «bloody geometry of his face», 4) «ugly machine sprung from a trap», 5) «broken rainbows – all of them glaring, gleeful», 6) «for ever embraced».

Ниже представлены результаты эксперимента и их анализ.

При изучении переводческой стратегии испытуемого № 1 следует отметить, что им является автор настоящего исследования, не только обладающий обширными познаниями о творческой манере Балларда и об имеющихся интертекстуальных связях с другими романами писателя, но, кроме того, выполнивший переводы прозы этого писателя, опубликованные в различных издательствах России. Стратегия перевода включала в себя деление текста оригинала на два «пласта», различающихся по уровню сложности понимания и, соответственно, перевода. Первый уровень определен автором исследования как «поверхностный», а второй как «углубленный», что соответствует (по Богину [2]) сочетанию семантизирующего и когнитивного уровней понимания и распрямляющему уровню понимания соответственно. Данные обстоятельства стали в рамках эксперимента некой «точкой отсчета» в анализе результатов использования метода ТАР, который был применен при разборе того, как действовали его остальные участники.

Например, первое проблемное выражение «The retent scars mantled the cypher» (все еще достаточно неоднозначное даже для автора исследования – здесь «retent scars» можно трактовать и как «памятные шрамы», и как «ретенционные рубцы», хирургический термин) истолковано им благодаря ознакомлению с другим текстом Балларда – романом «Выставка жестокости» (The Atrocity Exhibition, 1970), где автор пользуется аналогичными образами и сравнениями, представляя давно зажившие шрамы как детали некоего «шифра» (cypher). Отсюда в варианте перевода и появляются «памятные (как памятники) шрамы»: «Переломанные в неожиданных местах руки и ноги, смещенная геометрия лица – все это будто пародировало те памятки – нет, памятники, – по транспортному травматизму, которыми Вон обклеил

стены своей кельи» [3]. Эта интерпретация стала основой анализа переводов данного выражения от остальных участников.

Испытуемый № 2, перед тем, как приступить непосредственно к переводу, проделал предварительную исследовательскую работу. Сначала он выяснил, имеется ли у фамилии персонажа «Vaughan» устоявшаяся русскоязычная транскрипция (путем поиска известных личностей-однофамильцев), затем уточнил реалию «Oceanic Terminal», верно заключив, что отрывок взят из романа, описывающего события, происходящие в Лондоне. Были уточнены также внешний вид пандуса (concrete ramp), эстакады (flyover) и полицейских дуговых ламп (police arc-lights). В процессе непосредственно перевода имели место фразы неуверенности: «предупреждаю сразу, перевод будет так себе», «здесь будет по-дурацки, некрасиво», «вот здесь не очень понятен текст», «здесь я быстрого решения не найду», при этом каких-либо невербальных признаков неуверенности испытуемый не выказывал. Испытуемый посетовал на то, что предоставленный для перевода фрагмент текста слишком маленький – по нему невозможно заключить, является ли рассказчик лицом женского или мужского пола, не получается в отрыве от контекста выстроить хронологию описываемых автором событий. Длительные раздумья вызвал фрагмент «The retent scars mantled the surpher» – используя Кембриджский словарь английского языка, сервис «Мультитран» и несколько других интернет-словарей, испытуемый исследовал разные значения слова «surpher», перебирая их и пытаясь найти такое, что лучше всего подходило бы микроконтексту. Далее испытуемый выбрал стратегию продвижения по тексту, не найдя удовлетворительного решения сразу, и оставив этот фрагмент «для дальнейших раздумий» (то есть, *выделив его как текст «углубленного» уровня сложности*). В дальнейших рассуждениях испытуемым была высказана совершенно верная догадка о том, что «вот эти многочисленные фотографии с авариями – это были воспоминания того, какие машины... как он их разбил. Тогда здесь можно сказать, что, собственно, эти фотографии были своего рода напоминаниями». То есть, даже в отрыве от контекста, на отсутствие которого неоднократно ссылался в ходе эксперимента испытуемый, им был сделан интуитивный шаг в абсолютно правильном направлении (однако развивать эту догадку или уверенно останавливаться на ней испытуемый не стал, отказавшись в итоге от попытки предложить свою трактовку: «Это я оставлю без перевода. Здесь необходим контекст»).

В отношении метафорического языка автора испытуемый № 2 заключил, что в тексте есть «определенные претензии на стиль повыше», «метафорические элементы» – следовательно, эти элементы текста требуют более вдумчивой работы. Стоит отметить предложенные испытуемым удачные варианты перевода таких непростых участков текста, как «the surfaces of deformed metal and plastic that forever embraced

him» («его всегда окружали покореженные металл и пластик» – лаконично и сухо, но при этом вполне соответствует апокалиптической интенции Вона как персонажа; руины и обломки – как некая непрестанно сопровождающая его аура, элементы образа), «Vaughan hurtled up the concrete ramp, an ugly machine sprung from a trap» («угнав мою машину из гаража, Воган вылетел в ней по пандусу – как будто кто-то выпустил эту страшилу из западни»). Существительное «страшила» как адаптация для «ugly machine» в попытке избежать излишних повторов слова «машина/автомобиль» представляется, несомненно, очень удачной находкой – пусть и более экспрессивное, чем в тексте оригинала, оно создает необходимый угрожающе-зловещий образ чего-то почти потустороннего, демонического.

Автор исследования в своем переводе этого же отрывка текста прибег к адаптации «биомеханическое чудовище, вырвавшееся из клетки», развив образ с акцентом на тему единства Вона и управляемого им транспорта. В переводе Е. Мирошниченко отсутствует разница между «car» и «machine», контекстуально заявленная автором, переводчик допускает повтор: «Десять дней спустя, угнав мою машину из гаража многоэтажного дома, Воан взлетел по бетонному скату моста – сорвавшаяся с цепи чудовищная машина» [4]. В переводе Е. Шерр применено опущение, а вариант А. Андреева идейно схож с вариантом Мирошниченко: «Десять дней назад, угнав мою машину из гаража моего многоквартирного дома, Воэн взлетел по бетонному скату, и уродливая машина выпрыгнула из ловушки» [5].

Примечательна ироническая ремарка испытуемого насчет процесса перевода – его он характеризует как «кружок медленного чтения», намекая, очевидно, на то, что текст требует вдумчивого последовательного разбора; также показательны замечания «тут начитаться надо авторского стиля для того, чтобы хорошо его переводить, вот тот перевод, который я сейчас делаю – это просто попытка пересказать на русском языке то, что здесь описано».

В целом, испытуемый № 2 – надо полагать, в силу обширного языкового опыта, – показал отличный результат для переводчика, ни разу до этого не переводившего сложную прозу Балларда; в ходе эксперимента им были озвучены правильные предположения относительно того, в какую сторону должна двигаться мысль переводчика. Итоговый хронометраж эксперимента для испытуемого № 2 составил 47 минут.

Испытуемый № 3 перед началом эксперимента приготовил лист бумаги для фиксации незнакомых слов и различных вариантов перевода. В качестве подготовительной работы он полностью прочел текст, сопроводив выбор комментарием: «Что интересно мне в тексте? Это то, что он художественный, и что отрывочек там относительно небольшой. Что лексика там довольно сложная, и я ожидаю, что мне придется рано

или поздно уточнить ее – посмотреть, наверное, какой автоматизированный перевод мне предлагают разные сервисы». В качестве вспомогательного инструмента испытуемый решил воспользоваться системой машинного перевода «DeepL Translate», комментируя при этом как разнообразные ошибки, допущенные программой-переводчиком, так и какие-либо удачные находки: «Интересно, как в некоторых ситуациях Дипл предлагает довольно интересные, причем грамматически трансформированные варианты предложений. Скажем, последнее – Воган сидел на застекленном сиденье. Ну, понятно, что он ошибся в «застекленном», но «самодовольно изучая свою позу» – это довольно интересный перевод вот этого отрывочка». Испытуемый № 3 без затруднений отметил заведомо «нелитературные» варианты перевода («от предложения к предложению проверяю «русскость» этого текста»). В отличие от испытуемого № 2, он не оставил какие-либо участки текста принципиально без перевода, не прибегал к фразам неуверенности, но иногда подолгу замолкал, раздумывая над тем или иным вариантом, или выказывал невербальные признаки неуверенности (потирал лоб или отводил взгляд от монитора). Испытуемый также обратил внимание на то, что предоставленный для перевода фрагмент текста слишком маленький, внеконтекстный: «И, наверное, ещё одна проблема, которая вообще касается всего этого текста, в том, что тут проблема с контекстом. То есть, не очевидно, что за лирический герой об этом рассказывает, в каких отношениях он с этим персонажем был, тоже придётся все выяснять, исходя из этого небольшого отрезка»; «Наверное, отсутствие контекста и будет создавать больше всего проблем»; «First rehearsal of his own death – получается, что персонаж все-таки репетировал свою смерть, буквально хотел умереть. Каскадер-самоубийца? Да, конечно, без контекста этот текст переводить тяжело. Я на каждом предложении так останавливаюсь и думаю, а правильно ли я здесь перевел, правильно ли я понял мысль? Может быть, повествование не совсем логично».

Особое внимание было уделено выражению «sprung from a trap»: «Интересно, какие есть варианты перевода состоятельные – причем не “springtrap”, а “sprung from a trap”». Поискав точные соответствия в Интернете, испытуемый убедился, что подобная структура встречается только у Балларда, в рассматриваемом романе: «Сразу выдает «Crash». Кроме как в этом произведении, ни у кого машины не sprung from a trap». Предложенный испытуемым перевод – «словно вырвавшись из ловушки, он [автомобиль] взлетел в небеса». Были отмечены некоторые стилистические особенности авторского языка: «Интересная ситуация с притяжательными местоимениями. Вот в этом смысле мне текст нравится, потому что тут есть разные моменты, на которых можно подумать»; «Вот это предложение звучит, конечно, немного странно [о переводе], но так и в оригинале». При этом, разбираясь с выражением

«for ever embraced», испытуемый отметил: «Когда я увидел «for ever embraced», образ сразу поменялся, потому что я подумал, а, ну раз они «for ever embraced», значит он уже мертв»; «Мне кажется, что это «for ever» тоже создает ложные впечатления в оригинале. В идеале оно здесь лишнее». Подводя итог своей работе, испытуемый отмечает: «Понимаете, мне какую-то игру постоянно показывают. Ощущение, что Вон – это персонаж какой-то игры»; «Собственно, не знаю, доволен ли я им [переводом] в полной мере, но художественный перевод, вообще, такая сфера, где всем довольно сложно угодить».

В целом, испытуемый № 3 работал с текстом уверенно, показал хороший результат для переводчика, впервые столкнувшегося в переводе прозы Балларда; были озвучены верные переводческие решения и тактики перевода, хотя имелись и ошибочные интерпретации (так, «concrete ramp» в его варианте – «лежачий полицейский», хотя более уместный контекстуальный перевод – «гаражный пандус», «скат»). Итоговый хронометраж эксперимента для испытуемого № 3 составил 63 минуты.

Таким образом, анализ результатов эксперимента с применением ТАР-технологии полностью подтверждает рабочую гипотезу о выделении переводчиком в оригинале литературно-художественного произведения текстов минимум двух уровней сложности понимания и, соответственно, перевода – «поверхностный» и «углубленный». Всеми испытуемыми были отмечены как особо сложные для понимания и перевода одинаковые участки фрагмента произведения Дж. Г. Балларда, ассоциированные со специфической авторской интенцией, где уникальные особенности авторского стиля прослеживаются наиболее явно. Эксперимент позволил выявить важную роль авторефлексии переводчика, как инструмента индивидуальной творческой лаборатории. Практически непрерывное обращение испытуемых к самоанализу принимаемых переводческих решений, тактик перевода, способствовало поиску оптимального варианта и повышению качества перевода выбранного отрывка в целом. Для аналитика перевода метод ТАР является, кроме того, исследовательским методом, позволяющим заглянуть в «творческую лабораторию» переводчика, что не позволяют сделать иные, традиционные методы анализа.

Список литературы

1. Миловидов В.А., Шокин Г.О. К вопросу о переводческой авторефлексии в литературно-художественном переводе // Вестник ТвГУ. Филология, 2023. № 4 (79). С. 193–202.
2. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. 516 с.
3. Баллард, Дж. Г. Крушение. Мифы близкого будущего [Пер. с англ. Г. Шокина]. Санкт-Петербург: Найди лесоруба, 2023. 416 с.

4. Баллард, Дж. Г. Автокатастрофа [Пер. с англ. Е. Мирошниченко]. Киев: Ника-Центр, 1999. 304 с.
5. Баллард, Дж. Г. Автокатастрофа [Пер. с англ. Е. Шерр]. Москва: Центрполиграф, 2002. 256 с.
6. Ballard, J. G. Crash [Текст] / Ballard, J. G. First Edition. London: Jonathan Cape, 1973. 224 p.
7. Berman A. Toward A Translation Criticism: John Donne (Translation Studies) Paperback. Kent State University Press. 2009. 268 p.

Об авторе:

ШОКИН Григорий Олегович – аспирант кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (Тверь, 170100, ул. Желябова 33); e-mail: jack.torrance@rambler.ru

THINK ALOUD PROTOCOL (TAP) AS THE METHOD IN THE ANALYSIS OF THE TRANSLATION PROCESS OF LITERARY FICTION

Gregory O. Shokin

Tver State University, Tver

The article presents the results and analysis of the experiment of researching the process of translating literary fiction according to Think Aloud Protocol (TAP) methodology, on the example of translating an excerpt from J. G. Ballard's novel "Crash". The mechanism of choosing a translation strategy and making translation decisions is examined introspectively. The hypothesis about the key role of autoreflexion in the translation process and about the translator's fission of the given text into two layers of complexity ("superficial" and "deep"), corresponding to the levels of understanding: semanticizing combined with cognitive and disambiguating, respectively.

Keywords: *Think Aloud Protocol (TAP), autoreflexion, textual layers of the translation difficulty, levels of textual comprehension.*

About the Author:

SHOKIN Grigoryi Olegovich – Post-graduate student at History and Theory of Literature department, Tver State University (170100, Zheliabov Str., 33, Tver); e-mail: jack.torrance@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 07.09.24
Подписана в печать 25.09.24

© Шокин Г.О. 2024